

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ В АСПЕКТЕ ИДЕИ КОНКОРДАТА

Аннотация. В современной России Церковь переживает кризисное состояние, которое имело место в XIX – начале XX вв. Происходят стандартизация современной цивилизации, утверждение в человеческом сознании рациональной философии и науки, рост технологий, создающих современную технокультуру. Тем не менее, в народном сознании Церковь является хранительницей исторического наследия и нравственных устоев общества. В статье рассматриваются отношения между Церковью и государством, выражающиеся в конкордате – взаимном согласии двух институтов при независимости каждого. В данном ключе взаимоотношения государственной и церковной власти и связанный с ними социальный строй видятся не как универсальные, научно разработанные рецепты всеобщей общественно-политической гармонии, но как уникальное явление, свойственное только российскому обществу.

Ключевые слова: Церковь, государство, современная Россия, монархия, секуляризация, светское государство.

© N. Kozyakova, 2012

STATE - CHURCH RELATIONS IN RUSSIA IN THE ASPECT OF THE CONCORDAT IDEA

Abstract. In modern Russia the Church endures the same crisis it had passed through in XIX - the beginning of the XX-th centuries. The present moment is characterized by the standardization of the modern civilization, the strengthening of rational philosophy and science in human consciousness, the technological growth creating modern technocratic culture. Nevertheless, according to the people's mentality the Church is the keeper of the historical heritage and society's moral principles. The article depicts relations between the State and the Church. The author considers the State-Church relations, expressed in the concordat – a mutual agreement between the two institutions, each of the two being independent. In such a key both the mutual State-Church relations and the social system connected with them can't be seen as universal and scientifically developed formulae of the universal social-political harmony, but as the unique phenomenon of the Russian society.

Key words: The Church, the State, modern Russia, monarchy, secularization, secular state.

Взаимоотношения государства и Церкви являются важной политологической проблемой, так как Церковь – это важнейшая структурная единица гражданского общества, институт артикулирования и агрегирования интересов определенных сил в обществе. Для Российского государства Русская Православная Церковь имеет особое значение, так как их история началась практически одновременно, и почти до 1917 г. Церковь оказывала огромное влияние на форму и функции государства.

Проблема классификации государственно-конфессиональных отношений остается недостаточно разработанной в политологии. На основе комплексного анализа на сегодняшний день можно выделить следующие модели государственно-конфессиональных отношений.

1. Теократическая модель, характеризующаяся верховенством религиозных норм во всех сферах государственной деятельности. Разновидностью теократической модели являются «симфония» государства и Церкви [5, с. 73].

2. Клерикальная модель, предполагающая привилегированное положение одной из конфессий (государственная Церковь).

3. Кооперационная модель, характеризующаяся тесным сотрудничеством государства и конфессий в условиях светского государства.

4. Сепарационная модель, предполагающая четкое разделение сфер государственного и религиозного.

5. Конфронтационная модель, отличительными чертами которой являются господство атеистической идеологии в государстве и нелегальное положение конфессий.

Взаимоотношения Церкви и государства являются важнейшим критерием периодизации в истории Русской Православной церковно-исторической науки. В работах И. Смолича, А. Карташова, протоиерея Александра Шмемана, иерея Алексия Николина эти отношения в качестве самостоятельного предмета периодизации государственно-церковных отношений рассматриваются политической, юридической и исторической науками. При этом основным критерием периодизации является правовой статус Церкви.

Критерием периодизации отношений государства и Православной Церкви в России в данной статье избрана реализация идеи конкордата. В данном случае мы отходим от буквального и узконормативного понимания конкордата как договора между государством и Церковью. Конкордат как критерий периодизации государственно-церковных отношений в России рассматривается с позиций системного подхода, предложенного Е.Н. Салыгиным [5, с. 13]. Согласно данному подходу, конкордат является комплексным явлением, включающим три аспекта: религиозно-политический, государственно-правовой и социально-психологический. Следовательно, если в государстве основные сферы жизнедеятельности регулируются нормами религии, а государство преследует цель – реализацию религиозно-правовых предписаний и на ее достижение ориентирована работа властных структур, то, вне зависимости от особенностей взаимоотношений в таком государстве духовной и политической власти, конкордат будет существовать. Также необходимой основой для заключения конкордата является особый психологический тип личности, которому свойственно богословское мышление. Существование так называемого *Номо теократичес* обеспечивает возможность заключения конкордата при любом политическом режиме, за исключением тоталитарного. Но если Е.Н. Салыгин формулирует данную категорию как абстракцию, то А.С. Панарин считает такой психологический тип прерогативой восточного человека в отличие от западного и, следовательно, богословское мышление с этой точки зрения – неотъемлемая черта национального менталитета русских [4, с. 19].

История государственно-церковных отношений в России делится на два этапа: государственно-церковные отношения в монархической России и государственно-церковные отношения в России республиканской. Богословский критерий применим для обоих этапов. Различия между указанными этапами развития государственно-церковных отношений и периодами внутри этих этапов состоят в формах воплощения идеи договора между государством и Церковью и периодами внутри этих этапов. Они состоят в формах воплощения богословской идеи и ее влиянии на функции государства и структуру его механизма, а также на структуру правового статуса Церкви.

В свою очередь, характеризуя историю государственно-церковных отношений, мы, вслед за Е.Г. Коробовой, выделим три периода:

1. древнерусская «симфония» государства и Церкви (988–1448 гг.);
2. патриархальная теократия Московской Руси (1449–1700 гг.);
3. фиктивная теократия Российской империи (1700–1917 гг.) [1, 69].

Генезис Церкви в Древней Руси происходил при непосредственном участии Византии. Молодая Русская Церковь находилась в юрисдикции Константинополя, и поэтому автоматически попадала в подчинение Византийской империи. Церковь была представительницей почти сакральной Византийской христианской империи в Древней Руси, и данный факт делал ее более весомой силой, чем молодое русское государство. Также Церковь сохраняла независимость от административного влияния государства. Русская Церковь оказывалась фактически независимой и от государственных структур Византии, поскольку удаленность от Константинополя при средствах коммуникации той эпохи делала невозможным любое реальное вмешательство Империи в ее дела.

Отрицательная сторона византийского господства, пусть и номинального, проявлялась в том, что Русская Церковь постепенно усвоила традицию имперской государственности, которая стала для нее эталоном. К концу византийского периода Русского Православия появились первые идеи русского мессианства, которые в дальнейшем обрели форму в идеологии «Москва – третий Рим» и воплотились в Московском царстве. Начало этому было положено в объединении земель вокруг Москвы. Основой государственной власти в Московской Руси стала национальная Русская Церковь. Национализация Церкви началась с самостоятельного, независимого от Константинополя поставления русских митрополитов, а завершилась учреждением Московского патриархата. Но автокефалия имела и отрицательные последствия: Русская Церковь стала замкнутой и отделилась от Вселенского Православия, утратив при этом независимость от государства. Неизбежным результатом национализации русской высшей церковной власти было ее фактическое подчинение национальной государственной власти, и оно возрастало с течением времени.

Параллельно с этим процессом происходило концептуальное оформление идеи о Святой Руси как последнем оплоте Православия. Она потеряла свой первоначальный апокалиптический смысл и использовалась государственной властью для обоснования сакральности своего статуса. Как представители национальной Русской Церкви митрополиты по-прежнему продолжали служить укреплению и возвышению великокняжеского, а затем царского авторитета в государстве. Но сами они проигрывали в полноте и независимости своего собственного авторитета и собственной свободе. Патриархальный уклад Московского царства дал трещину, когда патриарх Никон и царь Алексей Михайлович попытались преодолеть национальную замкнутость Русской Церкви и вернуть в нее принцип универсализма. Раскол в Церкви логически повлек за собой кризис и дальнейшее крушение Московской империи.

Российская империя, созданная Петром на этих обломках, по форме оставалась православным царством под лозунгом «Православие. Самодержавие. Народность», а по содержанию превратилась в светское государство, управляемое Православной Церковью. Православие стало удобно государству для воспитания послушных подданных. Вера была поставлена на службу государству, в результате этого цель и средство поменялись местами. Но из веры как таковой не могло выйти светское общество, а тем более государство. В Византии и Москве Церковь и государство говорили на одном языке, жили в одном измерении. Поэтому, несмотря на все подчинение Церкви государству, Церковь сохраняла огромный авторитет во всех аспектах жизни государства. В императорской России Церковь стала анахронизмом, пережитком древности и отождествлялась «образованным»

обществом с языческими верованиями крестьянства. Парадокс состоял в том, что прочно укоренившийся к этому времени государственный идеализм Церкви не давал ей возможности увидеть истинное положение дел. Привычная идеология мешала Церкви понять неправильность своего подчинения неправославной по своей сути Империи. Церковь по-прежнему помазывала на царство императора «и на один день блестящий гвардейский офицер, по «божественному» праву крови и наследства бывший неограниченным хозяином миллионов людей, действительно, являлся византийским василевсом или московским царем: в сакральном облачении, с крестом на голове, снова как икона священного христианского царства. Эту икону видели в нем всегда Церковь и народ, но, начиная с Петра, ее не чувствовало само государство: напротив, оно целиком было построено на принципах западного абсолютизма. Данное отличие между отношением государства к Церкви («ведомство православного исповедания») и отношением Церкви к государству («Помазанник Божий») составляла главную ложь синодального периода» [7, с. 225].

Монархия Российской империи была абсолютной, ничем не ограниченной, тогда как самодержавие по своей сути должно было быть поставлено на служение Богу и Церкви. К началу XX в. Церковь воспринималась российским обществом как государственный орган, отсюда происходил и духовный кризис общества – формальное православие, которое в конечном итоге перетекло в богоборческую революцию.

Второй этап взаимоотношений государства и Церкви в условиях республиканской формы правления можно разделить на два периода:

1. нелегальный статус Церкви в квазитеократическом государстве (1917–1991 гг.);
2. теократически-монархические идеи в Церкви (государственно-церковные отношения) в условиях светского государства (с 1991 г. по настоящее время).

Идея заключения договора между Церковью и государством о взаимном сотрудничестве (конкордат) на протяжении всей истории государственно-церковных отношений в монархической России была концептуальной, но в советский период она была изменена. Если в условиях монархии данная идея базировалась на системе ценностей Православия, то в новых условиях ее основой стала квазирелигия – коммунистическая идеология. Православная Церковь перестала входить в новую систему отношений власти, и поэтому оказалась исключенной из правового пространства советского государства и фактически лишилась всех прав. В результате гонений, которым подверглось духовенство, значительная часть Церкви оказалась в эмиграции и жила ностальгией по России; «гналась за призрачными орлами Империи» по выражению Г.П. Фетодова [6, с. 340]. С этим связан еще один аспект реализации идеи конкордата. Представители Русской Зарубежной Церкви стали преемниками государственного идеализма Русского Православия. Монархическая проповедь церковных иерархов Зарубежной Церкви привела к ужесточению политики советского государства по отношению к Русской Православной Церкви Московского Патриархата.

Московский Патриархат объявил деятельность Зарубежной Церкви неканонической, а через несколько лет Зарубежная Церковь объявила о своей самостоятельности. Так возникло разделение внутри единой Русской Православной Церкви по политическим мотивам. Данное разделение удалось преодолеть лишь 17 мая 2007 г. Русская Православная Церковь снова обрела свое единство, и зарубежные приходы вошли в каноническое подчинение Московского Патриархата. Сегодня Русская Православная Церковь вновь приобрела утраченный официальный статус и широкий спектр прав. Но, в отличие от монархического периода, она является не государственной Церковью, а только одной из традиционных конфессий Российской Федерации. В этом положении есть большое преимущество, ведь только не являющаяся частью государства Церковь имеет моральное право давать оценку процессам, протекающим в обществе и государстве.

Одним из важнейших итоговых документов юбилейного Архиерейского Собора стали Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Этот документ четко излагает позицию Русской Православной Церкви по поводу формы государственного правления, согласно которой «Церковь должна уделять главное внимание не системе внешней организации государства, а состоянию сердец своих членов. Посему Церковь не считает для себя возможным становиться инициатором изменения формы правления» [3, 47].

Несмотря на вполне определенную позицию иерархов, в современной Церкви существует также противоположный взгляд на этот вопрос. Это связано с процессом, который современный богослов и публицист протоиерей Андрей Кураев определил как «опричную реформацию» [2, с. 450]. Это явление, с одной стороны, носит революционный антииерархический характер (реформация), а с другой стороны, культивирует идею жесткой монархической государственности (опричная). Сторонники данного движения идеализируют монархическую Россию, они лишены критичности во взгляде на исторические события и лица.

Идеология «православной монархии» является новой формой воплощения идеи конкордата, которая составляла сущность государственно-церковных отношений в монархической России. Насколько жизнеспособна данная идея, равно как и стремление к сильной государственной власти, является ли это закономерной реакцией на вызовы глобального мира, воплощающего новую всемирную власть, которой мешают прежние «архаичные» типы власти – можно будет увидеть в ближайшее десятилетие.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Коробова Е.Г.* Взаимоотношения государства и Церкви в России: проблемы типологии и периодизации в аспекте воплощения идеи теократии: Дис. ... канд. юр. наук. – Тамбов, 2009. – 130 с.
2. *Кураев А., диакон.* Церковь в мире людей // Диакон Андрей Кураев. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 542 с.
3. *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви* // Сборник документов и материалов юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви: Москва, 13–16 августа 2000 г. – Нижний Новгород, 2001. 185 с.
4. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире // А.С. Панарин. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 494 с.
5. *Салыгин Е.Н.* Теократическое государство. 1999. – 128 стр.
6. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России / Г.П. Федотов. – М.: «ДАРЪ», 2005. – 492 с.
7. *Шмеман А., прот.* Исторический путь Православия // Протоиерей Александр Шмеман. – М.: Изд-во «Паломник», 2007. – 390 с.